

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О БЕЛИНСКОМ

Публикация Г. Берлинера

Публикуемые нами отрывки из пятой главы «Очерков гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского не попали своевременно в печать, по всей вероятности, по цензурным обстоятельствам. В общеизвестном тексте пятой главы «Очерков гоголевского периода русской литературы» имеется место, в котором Чернышевский объясняет, почему в его статье, посвященной главному деятелю критики гоголевского периода Белинскому, нет ни биографических сведений о критике, ни даже его характеристики. Чернышевский заявляет, что в план его «Очерков» не входит сообщение биографических подробностей и исследование частной жизни и личного характера писателей; притом же критика гоголевского периода всецело была обусловлена исторической необходимостью, — «если представителем критики в это время был Белинский, то потому только, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость».

Однако Чернышевский делает тут же очень характерную оговорку. Заявив, что в его план не входит сообщение сведений о личности того или иного писателя, он добавляет: «Мы сами первые чувствуем неполноту и, так сказать, отвлеченность этого плана и утешаемся только тем, что и неполный и сухой разбор имеет все-таки некоторое, хотя временное, значение, пока не появятся труды более живые и полные» (Чернышевский, Н. Г., Собр. соч., изд. 1906 г., т. II, стр. 164). [Разрядка моя. — Г. Б.].

Вынужденный тон объяснения Чернышевского и прорвавшееся у него замечание о том, что он сам сознает неполноту и сухость плана, не оставляют никаких сомнений в том, что Чернышевский считал совершенно необходимым включить в свою статью характеристику Белинского.

В самом деле, если Белинский стал выдающимся критиком только потому, что его личность была такова, какой требовала историческая необходимость, то тем более интересно установить, что это была за личность.

Почему же все-таки Чернышевский не дает характеристики Белинского, как человека? Дело уясняется при сопоставлении общеизвестного печатного текста пятой главы «Очерков гоголевского периода» с рукописью и с корректурами этой главы, хранящимися в Саратовском доме-музее имени Н. Г. Чернышевского. В рукописи и в корректурах вовсе нет трех абзацев окончательного текста статьи, содержание которых мы изложили выше, — нет целого отрывка, который начинается словами: «Главным деятелем критики гоголевского периода был Белинский...», и кончается фразой: «...от его личности зависело только то, удачно ли, сильно ли высказывалась мысль» (См. Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. изд. 1906 г., т. II, стр. 164, строка 13-я снизу — стр. 165, строка 19-я снизу).

Вместо этого в рукописи и в корректурах имеется пространная характеристика Белинского, как общественного деятеля, как критика и как человека, — характеристика, сопровождающаяся интересными теоретическими рассуждениями. После ознакомления с этой характеристикой не только окончательно уясняется отношение Чернышевского к Белинскому, но становится понятным, какие качества интеллекта и характера считал Чернышевский особенно важными для всякого кри-

тика вообще. Качествами этими оказываются прежде всего страстная любовь к общественному благу, затем — ясность и последовательность мышления, твердость убеждений, пронизательный здравый смысл и умение самостоятельно приобретать необходимые сведения, не впадая в рабскую зависимость от академической науки своего времени. Так называемый «эстетический вкус» Чернышевский считает производным явлением и придает ему второстепенное значение.

В корректуре эта характеристика Белинского вычеркнута; установить, кто именно ее вычеркнул, по внешнему виду корректуры невозможно. Если даже предположить, что это сделал сам Чернышевский, то крайне трудно допустить, что он сделал это по соображениям композиционного или стилистического характера. Гораздо вероятнее, что характеристика Белинского была вычеркнута или самим Чернышевским, или кем-либо из членов редакции, как совершенно безнадёжная в цензурном отношении. Слишком уже откровенно говорит здесь Чернышевский, что он ценит Белинского не как художественного критика, а как последовательного мыслителя (читай: материалиста-фейербахианца) и как политического борца, думавшего исключительно о благе своей родины и лишь по необходимости сделавшегося художественным критиком.

Начало этой характеристики, в котором Чернышевский дает свое определенное понятие «гениальность», опубликовано в примечаниях к четвертому тому «Избранных сочинений» Н. Г. Чернышевского издания 1930 г. (см. Чернышевский, Н. Г. Избранные сочинения в пяти томах. Подготовили к печати и снабдили примечаниями Н. В. Богословский, В. В. Буш, Н. М. Чернышевская-Быстрова, Н. А. Щелканов, ГИЗ, М.-Л., 1930, т. IV, прим. 212, стр. 502—503).

Однако редакторам этого издания, использовавшим только часть сохранившейся рукописи и не сверившим ее с корректурой, осталось неизвестным продолжение опубликованного ими отрывка, которое мы и публикуем. Наша публикация начинается с того места, до которого доведена публикация в издании 1930 г.

НЕИЗДАННЫЕ ВАРИАНТЫ ПЯТОЙ ГЛАВЫ «ОЧЕРКОВ ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИОДА»

I. ЧАСТЬ ТЕКСТА, ВЫЧЕРКНУТОГО В КОРРЕКТУРЕ

По своему значению для развития русского общества деятельность человека, который был органом этой критики¹, занимает в истории нашей литературы столь же важное место, как произведения самого Гоголя. Автор статей о Пушкине² был одарен редким красноречием; написанные наскоро, непересмотренные, неисправленные его статьи по универсальности изложения все бесспорно принадлежат к лучшему, что только до сих пор есть в нашей прозе; едва ли кто-нибудь писал у нас так, как он. Многие из написанного им может быть по силе и прелести изложения сравнено с лучшими страницами подобного рода у величайших европейских писателей³. Впрочем, и тут нет ничего удивительного: истинное красноречие дает[ся] человеку вместе с благородною натурою и энергическим стремлением к истинному [и] добруму. Великие ораторы были красноречивы, потому что душа у них была великая и благородная.

Надобно ли упоминать о могучей силе его диалектики? Ведь это только опять всегдашнее качество людей с великим умом. Надобно ли говорить об идеальном благородстве его характера? Ведь это опять необходимый дар природы людям, которых обрекает она жить только для провозглашения высоких идей добра, которые не знают ни счастья, ни покоя, ни желания

вне одного стремления служить благу своей родины, людей, о которых можно сказать как о нем:

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть...

Мы не знаем, назначала ли его природа исключительно к критической деятельности: гениальной натуре доступны бывают многие поприща, она действует на том, которое в данных обстоятельствах находит самым широким и плодотворным. Нам кажется, что в Англии этот человек был бы парламентским оратором, в Германии того времени—философом, во Франции—публицистом, — в России он сделался автором статей о Пушкине.

Вообще говоря по общей физиономии трех первоклассных наших критиков, — Полевого, Надеждина и автора статей о Пушкине, — мы можем заключить, что замечательный критик не рождается, а делается критиком вследствие особенных условий, представляемых ему сосредоточением жизненных интересов его страны на литературных вопросах. То же говорит нам пример знаменитых германских критиков прошедшего и нынешнего столетия. Служению эстетике они обрекли себя добровольно, обдуманно не потому, что сочинять именно рецензии было для них особенно приятным делом, а просто потому, что это был лучший из доступных им путей к действию на жизнь общества. Таковы были Лессинг, Мерк, Шлегель⁴.

И однако же, — странное, повидимому, дело, — именно эти люди, для которых эстетические вопросы были второстепенным предметом мысли, занимавшим их только потому, что искусство имеет важное значение для жизни, а художественное достоинство необходимо литературному произведению для высокого значения в литературе, — именно эти люди имели на развитие литературы не только по содержанию, но и в отношении художественной формы решительное влияние, какого не достигал ни один критик, думавший преимущественно о художественных вопросах.

Этот, повидимому, странный закон объясняется тем, что необходимый для критики дар природы, — эстетический вкус — есть только результат способности живо сочувствовать прекрасному в соединении с пронизательным здравым смыслом. Эти качества в очень высокой степени принадлежали автору статей о Пушкине, — поэтому не будем удивляться, что он отличался чрезвычайно тонким вкусом. Людей с тонким вкусом встречается много; но были у него качества более редкие: беспристрастие и твердость. Он был готов отдать каждому должное, забывая личные отношения, но несмотря на пылкость характера редко расточал излишние похвалы, на которые критика обыкновенно бывает так щедр относительно писателей, принадлежащих к одному с нею литературному лагерю. Одним словом, характер его критики был таков, что внушал только доверие читателям и писателям.

Все это — необходимые условия для могущественного влияния критики. Но жизнь и силу им давала страстная любовь ко всему живому и благому. Без этой любви все остальные достоинства были бы бесплодны. Во всем этом мы повторяем голос общего мнения, с которым едва ли кто вздумает не соглашаться⁵.

Но теперь мы должны коснуться и того вопроса, в ответе на который несогласны с довольно многими из людей, нами уважаемых. Имел ли автор статей о Пушкине столько знаний, сколько требовало высокое место в литературе, усвоенное ему природными дарованиями? Повидимому, ответ на это дается самым достоинством его критики, — тем, что из всех литературных битв он выходил победителем, хотя часто имел противниками людей, слыщих великими учеными. Какого еще спрашивать лучшего доказательства на то, что он обладал знаниями для него нужными? И однако же некоторые в том сомневаются. «Когда было ему время приобрести обширные знания?» —

говорят они — «он всегда был так обременен работою для приобретения насущного хлеба, что не мог дать себе основательного ученого образования». «Мы сами лично знали его», — прибавляют иные, — «нам положительно известно, что он не был человеком ученым».

Отвечаем на эти сомнения из уважения к некоторым из людей, введенных ими в странное недоразумение⁶.

Автор статей о Пушкине не читал в подлиннике ни греческих классиков, ни Тассо, ни Шекспира, он не знал санскритского языка и чешского наречия, не мог отличить славянского манускрипта XI века от манускрипта XIII века, — кому эти знания кажутся необходимыми, тот может жалеть о его необразованности. Но мы заметим, что если мерить русских ученых по строгим требованиям так называемой основательной западной учености, то очень немногие (конечно, мы не говорим о специалистах: математиках, естествоиспытателях, медиках, филологах и т. п., — между ними много людей, истинно ученых, но, разумеется, не такой учености требуют от литератора) имеют право на имя ученых людей, и мы положительно утверждаем, что именно те люди, которые наиболее толкуют об учености и хвалятся своею ученостью и прослыли за великих ученых, на деле оказываются очень плохими учеными. Из наших ученых (кроме специалистов) мы знаем только одного, который действительно заслуживал имя человека с европейскою ученостью, — это был покойный Надеждин⁷. Другие мнимые ученые могут сказать о себе, если будут откровенны:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь.

Именно, они знают кое-что и кое-о-чем и за то им честь, потому что прежде и таких людей у нас было очень мало. Но они не должны упрекать других в недостатке того, чего не имеют сами. Итак, вопрос становится определеннее: дело идет не о том, имел ли автор статей о Пушкине такую ученость, какой обладают некоторые из европейских литераторов, а только о том, имеют ли основание думать наши так называемые великие ученые, что он уступал им основательностью знаний.

На это можно отвечать решительно: не имеют никакого основания. Чем он занимался, о чем он говорил, что ему нужно было знать, то знал он очень хорошо, как очень немногие у нас. Если бы спор шел о предметах малоизвестных, мы не приняли бы на себя отважности говорить с такою уверенностью; но сомневаются в чем? Хорошо ли он знал русскую литературу, о которой судил; были ли ему известны иностранные литераторы, насколько нужно знать их русскою критикой?

Не нужно иметь чрезвычайных познаний или особенной смелости, чтобы судить, действительно ли доказал тот или иной литератор свои основательные знания в подобных предметах — ведь это спор не о китайском языке. Мы решительно думаем, что люди, которые, зная критику автора статей о Пушкине, сомневаются, достаточно ли ему известны были иностранные литературы и Гегелева философия, обнаруживают только собственное незнание в этих предметах. Еще забавнее сомнения, относящиеся к русской литературе, которой никто не знал так хорошо, как он. Нам кажется, что толковать о недостаточности его знаний могут только или люди малообразованные или педанты, еще менее имеющие право на имя образованных людей. Доказать это самым подробным образом очень легко, если только будет надобно, но мы хотим надеяться, что в этом не будет нужды.

Надобно сказать, что надлежащему его развитию много помогли те самые обстоятельства его судьбы, которые для некоторых служат основанием к недоразумению, которого мы коснулись: дело в том, что автор статей

...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.
...и в то время, когда я писал
эти строки, я был в Москве, и
думал о том, что мне предстоит
написать, и как мне написать.

СТРАНИЦА РУКОПИСИ П. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ОЧЕРКИ ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИОДА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» С НЕПРОПУЩЕННЫМИ ЦЕНЗУРОЙ ОТРЫВКАМИ
Дом-музей Н. Г. Чернышевского, Саратов

о Пушкине был человек бедный, предоставленный в очень ранней молодости самому себе, и что до двадцати двух или трех, быть может, до двадцати пяти лет, когда сблизился он со Станкевичем, никто не заботился о его развитии. Нужда, как известно, прекрасная школа для тех немногих, которые способны пройти эту школу. А еще лучшая школа для умного человека то, когда его голова не набивается с малолетства различными кривыми толками, которые так трудно потом бывает исправить. Выучиться легче, нежели разучиваться и переучиваться. Он с свежими силами, с непритупленным софизмами чувством истины начал свое образование, когда был уже в юношеских летах: прежде учился он мало, следовательно и забывать ему было нужно немногое. Это важная выгода. Потому и натурально, что он постигал истину быстрее, нежели кто-нибудь. Он сам дал себе образование — потому и натурально, что он дал себе такое образование, какое было ему нужно. Он не имел возможности успокаивать себя предубеждением, которому поддается большая часть людей, получивших так называемое основательное образование: «это мне уж известно; это я давно уж знаю» — потому очень естественно было ему приобрести знания действительно основательные и полные в той мере, как то было нужно. И в самом деле несмотря на положительные доказательства того, что средства к образованию, которые он имел, были скудны, очень мало найдется людей, которые обладали бы такою основательною и прочною образованностью. В том нет сомнения, что многое в этом отношении, как и вообще во всем развитии автора статей о Пушкине, надобно приписать влиянию Станкевича и его друзей⁸.

Иметь более или менее обширные знания — еще не особенная редкость или важность. Важнее быть человеком с прочным образованием, но еще гораздо важнее для писателя, который имеет решительное влияние на публику, гораздо важнее иметь твердую, стройную систему воззрений, в которой одно понятие не противоречило бы другому, одно понятие не опровергалось бы другим. У нас это встречается очень редко при запутанности и бессвязности понятий, которые вливаются в нас воспитанием и обществом. Вообще говоря, почти у каждого из нас в образе мыслей есть что-то хаотическое, случайное. Человеку, привыкшему к логической последовательности, трудно даже понять, каким образом в одной голове могут соединяться понятия и привычки совершенно несовместимые. Даже лучшие умы несвободны от этого недостатка — в пример укажем на Пушкина: с одинаковой искренностью писал он страницы, совершенно разноречивые по своему духу, так что, повидимому, автор одной тирады должен был бы ненавидеть автора другой, — а между тем они написаны одним человеком, который и не понимал, что жестоко противоречит сам себе⁹. Еще резче эта хаотичность понятий в Гоголе: она так велика, что многие могли объяснять ее только необразованностью или умственной болезнью. С нашими так называемыми мыслителями та же самая история. Даже в Надеждине, едва ли не сильнейшим из них, очень замечен этот общий недостаток. Шаткость понятий и бессвязность, хаотичность мнений — самая общая черта у нас. Обыкновенно даже наиболее развитые люди сами не знают, к чему ведет принимаемое ими основание, из каких посылок выведено отвергаемое ими следствие. Исключение составляют и теперь очень немногие люди, а пятнадцать или двадцать лет тому назад число их было еще гораздо менее. Автор статей о Пушкине был так счастлив, что не только развил в себе стройный и твердый образ воззрений на литературные вопросы, — этому чрезвычайно много помогли обстоятельства, о которых упомянули мы выше, — но и распространил его в публике, которая теперь в свою очередь начала иметь прекрасное влияние на литературу и не допускает ее уклониться от прочных оснований, положенных автором статей о Пушкине, по крайней мере не позволяет уклониться так далеко, как без охранения со стороны публики могло бы это случиться при стремлении

многих талантливых писателей возвратиться на прежнюю догоголевскую колею¹⁰.

Все эти редкие качества ума и характера, которыми природа наделила автора статей о Пушкине, были посвящены, как мы уже указали в предыдущей статье, служению одной высшей идее, — служению на пользу родной страны без страха и лицепрятия. Любовь к родине, мысль о благе ее одушевляла каждое его слово, — и только этим страстным увлечением объясняется и непреклонная, неутомимая энергия его деятельности, и его могущественное влияние на публику и литературу. Постараемся теперь обозреть эту деятельность в ее последовательном развитии.

Автор статей о Пушкине начал с того самого, на чем остановился Надеждин — с чрезвычайно резкого и горького отрицания нашей литературы¹¹.

II. ЧАСТЬ ТЕКСТА, ЗАЧЕРКНУТАЯ В РУКОПИСИ

Итак, мы дошли до вопроса о системе литературных воззрений в критике гоголевского периода и постараемся изложить по возможности ясно и точно этот предмет, важнейший в истории нашей литературы, — только, Гоголь, как мы сказали, равняется своим значением для общества [и] литературы автору статей о Пушкине.

Факт столь значительный, как критика гоголевского периода не мог возникнуть внезапно в одно прекрасное утро, — так являются только литературные грибы; не мог вырасти из ничего — так надуваются собственной пустотой только литературные мыльные пузыри, которые лопались в глазах нашей улыбающейся публики несмотря на все крики своих записных поклонников, которые, впрочем, на другой же день забывали об их эфемерном существовании.

Критика гоголевского периода росла долго прежде, нежели достигла своего полного развития — предшественником «Отечественных Записок» был Надеждин, — один из замечательнейших людей в нашей истории литературы (Человек необычайного ума и промадной учености... Человек, какого не являлось между нашими учеными со времени Ломоносова...).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Этой критики» — критики «гоголевского периода русской литературы» (так называл Чернышевский эпоху 30-х и 40-х годов). Приведем для связи последние абзацы отрывка, опубликованного в IV томе «Избранных сочинений» Н. Г. Чернышевского издания 1930 г., непосредственно предшествующие публикуемому нами тексту: «Непонятно и мудрено заблуждение, тупоумие, потому что оно противостоит естественному, а гений прост и понятен, как истина: ведь естественно человеку видеть вещи в их истинном виде».

Такое впечатление совершенной простоты и ясности производит критика гоголевского периода. Она привела в наше литературное сознание самые простые истины, ныне для каждого здравомыслящего человека ясные, как светлый день. Назначение этих истин очень велико: они произвели решительную эпоху в нашей умственной жизни».

² Автор статей о Пушкине — Белинский. В первых четырех главах «Очерков гоголевского периода русской литературы» и в рукописи пятой главы Чернышевский ни разу не упоминает имени Белинского, так как в последние годы царствования Николая I и в первое время после его смерти такие упоминания не допускались цензурой.

³ Зачеркнуто: «у Лессинга и Руссо, которые считаются лучшими...»

⁴ Лессинг, Мерк, Шлегель.

Лессинг, Готтольд-Эфраим (1729—1781) — знаменитый немецкий писатель. Чернышевский считал Лессинга не только великим писателем, но и крупным историческим деятелем и в предисловии к своей монографии «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность», помещенном в октябрьской книжке «Современника» за 1856 г., писал о нем: «Лессинг был главным в первом поколении тех деятелей, которых историческая необходимость вызвала для оживления его родины... сам

Фридрих II не имел такого сильного влияния на развитие немецкого народа, как Лессинг» (Чернышевский, Н. Г. Собр. соч., изд. 1901 г., т. II, стр. 586—589).

Мерк, Иоганн-Генрих (1741—1791) — немецкий писатель, критик, историк искусства, поэт и беллетрист. Был другом Гете; прославился беспощадной резкостью своей критики, которая некоторым критикам биографам и критикам дала повод считать его прототипом гетевского Мефистофеля.

Шлегель — по видимому, Август-Вильгельм Шлегель (1767—1845), старший из двух братьев Шлегелей, выдающийся идеолог немецкого романтизма, критик, историк литературы, филолог и поэт-переводчик. В качестве публициста выступил уже в очень зрелом возрасте, выпустив несколько книг, направленных против политики Наполеона I. В дневнике Н. Г. Чернышевского имеется о нем упоминание (см. Чернышевский, Н. Г. Дневник, изд.-во политкаторжан. М., 1930, т. I, стр. 205).

⁵ Все это рассуждение имеет большое историко-литературное значение, так как в нем частично раскрыты предпосылки той непрерывной и ожесточенной борьбы с так называемой «эстетической» критикой, которую вел уже в это время Чернышевский и которую повел вскоре после этого Добролюбов. Из приведенного рассуждения мы ясно видим, как понимал Чернышевский свои задачи в 1856 г., и как он вообще смотрел на литературно-критическую деятельность. Особенно интересны, во-первых, высказанный Чернышевским взгляд на условия, при которых только и возможен, по его мнению, расцвет литературной критики, и, во-вторых, высказанное им убеждение, что критики-публицисты даже на развитие формы литературных произведений оказывают более сильное воздействие, чем критики, оперирующие исключительно эстетическим методом.

⁶ Возможно, что говоря об «уважаемых людях», высказывающих неправильные суждения о Белинском, Чернышевский имел в виду известного слависта И. И. Срезневского, лекции которого он слушал в свое время в университете. В дневнике Чернышевского, в записи от 4 сентября 1848 г., читаем: «Срезневский говорил против наших беллетристов и критиков. Это меня несколько встревожило; он, однако, увлекает и показался одним из лучших, кого я слышал; он сказал, между прочим: «например, хоть в «Отеч. Записках» писал критики человек, который кроме новой литературы ничего не знал...» (Чернышевский, Н. Г. Дневник, изд.-во политкаторжан, ч. I, стр. 76)

⁷ Надеждин, Николай Иванович (1804—1856) — известный литератор и ученый эпохи 20-х и 30-х годов — журналист, критик и этнограф. Был профессором Петербургского университета, издавал журнал «Телескоп», закрытый в 1834 г. по распоряжению Николая I. Высокая оценка, которую дает Чернышевский Надеждину здесь и ниже, объясняется тем, что Чернышевский, посвятивший этому критику всю четвертую главу и начало пятой главы «Очерков гоголевского периода русской литературы», считал его важнейшим предшественником Белинского.

⁸ О влиянии кружка Станкевича на Белинского см. у Герцена, «Былое и думы», ч. I, гл. XXX. Круг Станкевича.

⁹ Это суждение Чернышевского о Пушкине заслуживает исключительного внимания, в частности, его интересно сопоставить с тем местом статьи 1857 г. «Сочинения и письма Н. В. Гоголя», где Чернышевский говорит, что идейное влияние Пушкина на Гоголя не могло быть особенно благотворным. См. Чернышевский, Н. Г. Собр. соч., изд. 1906 г., т. III, стр. 341—342.

¹⁰ После этого следуют два вычеркнутых абзаца, которые помещены выше под заглавием: «Часть текста, зачеркнутая в рукописи».

¹¹ После этих строк рукописный текст совпадает с общеизвестным печатным текстом. См. Чернышевский, Н. Г. Собр. соч., изд. 1906 г., т. II, стр. 165, стр. 18—20 снизу.